

Казачий Исторический Сборник

1

Париж

1955

И. Бугарев

КАЗАЧИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ СБОРНИК

RECUEIL D'ARTICLES SUR L'HISTOIRE COSAQUE.

-----x-----

Здесь, в эмиграции, казачья и политическая и историческая мысль усиленно пробуждается.

Мы имеем немало политической прессы; в ней время от времени помещаются статьи и исторического содержания, нередко очень ценного характера. Но если-бы будущему историку потребовалось ознакомиться с ними, то это было-бы делом почти безнадежным.

Поэтому явилась неотложная потребность в создании казачьего органа, целью которого было-бы исключительно разработка казачьей истории.

Ведь длительные исторические пути каждый народ проходит шаг за шагом, собственными усилиями. Память о пройденных этапах, где пролито множество пота и крови - его частная собственность. Никто не может знать лучше его самого причин явлений и их последствий. Ему одному должно быть предоставлено право судить о своем прошлом, в котором кроется и зародыш его будущего. Недаром говорят, что историю народа следует изучать на его-же языке.

Но Казаки, обладатели сокровищ своего яркого исторического прошлого, никогда не были особенно рачительными хозяевами. Поэтому за дело восстановления картины нашего прошлого брались чужие люди. Многие из них были пристрастными стяжателями. Они отобрали от нас историческую юность, записав ее в свой счет, а вывели Казаков в жизнь из чужих углов уже зрелым народом. Мы стали жертвой своеобразного исторического бандитизма. Очередная его теза: Казаки - пережиток, их роль окончилась и они должны уйти!

Это равносильно покушению на убийство. Напод должен сосредоточить все усилия для того, чтобы остаться при исторической жизни.

Сборник, при основах исторических, предоставит место и очеркам этнографическим, описанию быта, нравов, дать образцы народного творчества - песни и сказки, дать исторический анекдот и вообще предоставить читателю широкий диапазон исторической мысли от сухого разбора акта и древнего памятника до легенды и предания.

Кроме того Сборник предоставит место и для обмена мнений, хотя-бы самых противоположных, по тому или иному казачьему историческому вопросу, чтобы всесторонне и беспристрастно осветить его.

И. П. БУДАНОВ, Г. В. ГУБАРЕВ.

Д О Н С К А Я З Е М Л Я .

Мы, Казаки, мало знакомы с нашей историей, мы не знаем доподлинно ни ее начала, ни ее протекания; особенно не знаем как составилось население Дона, что представляет собою уже тему, требующей глубокой разработки. Не знаем и истории самой территории, на которой живем и в этом отношении мы, это надо признать откровенно, довольно некультурны.

Происходит это не оттого, что Казаки не любят своей Родины, что они неспособны к науке, и даже не оттого, что наши головы с детства забиты беглохолопской теорией происхождения Казаков, вследствие чего и всю свою историю Казаки обязательно должны были относить к истории Великоросов, нет.

У Казаков ум живой, лобознательный и наблюдательный со здоровым критическим скептицизмом и быстрым рефлексом, и Родину свою Казаки любят, даже больше, чем они сами то думают...

Произошло это незнание нашей истории от политики Великоросов в отношении Казаков: пожизненная служба России приковала Казака к коню; постоянное перемещение офицерского состава, бывшего тогда почти единственным более или менее культурным слоем, не давало ему возможности прочно обосноваться на месте и тем самым приобрести некоторую культурную оседлость; назначение Казаков, получивших высшее образование, на службу в Великороссию и в присылку оттуда на Дон Великоросов, мало интересовавшихся, а часто и враждебных к самому изучению казачьей истории.

Самое-же главное препятствие тому было активное преследование просвещения на Дону, а особенно преследование именно казачьей истории [В.Д. Сухоруков]; казачьих офицеров, служивших в Польше и начавших было сталкиваться и интересоваться западной культурой, объявили "неблагонадежными" и сослали их из Польши в дикие горы Кавказа или Крыма, [Полн. Собр. Зак. Т. 37, № 2810, 1820 г.]

Мы издавна живем на реке Доне; казалось-бы, что подлинная культурность обитателей его должна-бы подсказать им знать историю этой реки. Имеем-ли мы о ней хотя-бы самые элементарные сведения? А ведь эта река так-же древня, как древни и соседки ее - Борисфен-Днепр, Итель-Волга, как древни индийский Ганг, как Тигр и Евфрат, как Рейн и по ней жизнь так-же была ключом, но только мы об этом мало что знаем, ибо над Донской землей висит еще густой туман.

Прежде всего знаем-ли мы откуда взялось само название нашей реки?

Древние историки и писатели этим вопросом интересовались. У Греков река Дон называлась Танаисом. Мы произносим это

Синтаксис

слово, делая ударение на "ис".

В Киевском Синтаксисе, напечатанном в 1680 г. славянскими буквами и с постановкой ударений, ударение стоит на слоге "на"; это произношение есть более мягкое и более изящное и его следует принять.

Название "Танаис" упоминается еще у Геродота за пятьсот лет до Р.Х.; но оно существовало несомненно ранее этой даты. В те отдаленные времена Танаис был границей между Европой и Азией: Сарматия, лежащая по его левую сторону, называлась "азиатской Сарматией", а по правую - "европейской"; по Танаису лежала и часть торгового пути из Европы в Азию, почему он многим и давно был известен; чрез него лежал путь и в "Британский океан" [Мем. попул. II, 1029], но как он лежал остается еще невыясненным.

В греческой мифологии были второстепенные богини - нимфы; это богини рек, лесов, гор, вроде наших русалок; они считались дочерьми Зевса; одна из таких нимф носила имя Танаис; вот по имени этой нимфы Греками-Еллинами была названа нынешняя река Дон.

"Меотида - болото в Скифии, в которое течет Танаид, названный по нимфе этого имени. Так говорит Юний [Лат. т. II, в. I, 28].

Греческий историк Плутарх | во II в. по Р.Х. | по поводу этого названия говорит иначе.

"Танаид - река в Скифии; она прежде называлась Амазонской потому, что в ней купались Амазонки, а переименована была по следующей причине.

"Танаид, сын Вироса и одной из Амазонок, Лисиппы, будучи очень скромн, ненавидел женский пол, чтил только Арея и с презрением относился к браку. Афродита вселила в него страстную любовь к матери... и он после этого бросился в Амазонскую реку, которая была переименована в Танаид" | Зап. И. Р. А. О. т. VII в 3 и 4 с. 501 |.

Сами Скифы Танаис называли Сином, а Азовское море - Каргалук.

У Римских писателей и поэтов Танаис носил название лишь с легким изменением окончания - Танаид, Танаин.

"А самые северные | народы |, занимающие равнину между Танаидом и Борисфеном, называются Роксалиями" | Страбон, Лат. I, греч., 120 |.

"Куда ты бежишь, безумный? Некуда бежать, хотя-бы и убежал даже к Танаиду, и туда последует за тобой Амур", | Латыш. т. II, в. I., 39 |, так говорит Римский поэт своему безнадежно влюбленному приятелю.

О происхождении названия р. Танаис Щербатов говорит, что были Цари: "Таргинаус, Калаксаис, Скифопет или Шолипет, Панаксагор и Танаис, которые трех последних также именуют Спаргатиф, Кир и Гнарус. О них мы ничего не знаем, ниже в которое время царствовали; однако, по сходству имени является, что последний Танаис дал имя реке Дону, так-же Танаис именуемый".

| Щербатов, Ист. Росс. Т. I, 25 |.

Это происхождение названия р. Танаис имеет за собою некоторое основание. Древние цари видимо не прочь были давать свои имена названиям рек. Так, название нынешней реки Кура [на Кавказе] происходит от имени персидского царя Кира; левый приток этой реки назывался Камбиз, по имени сына царя Кира.

Но все-же происхождение названия р. Танаис должно-бы быть дано Греками, ибо город Танаис был основан ими, и другие реки, впадающие в Танаис, носят также греческие названия.

Арабский писатель Масуди | в 950-х гг. | называет его Танабисом.

"Оно | море Нитас | принимает воды большой реки, известной под именем Танабис ". | Т. I, 260 |.

О Танаисе говорится не только у Греческих, Латинских и Арабских писателей, но и в Скандинавских сагах, где он называется Танакиль, т.е. " река Тана ", на которой родился и царствовал Один в граде Асгарде, очевидно, что имя это " Тана " перенесено было им за далекий север.

В Лалонии есть река, которая в большей части своего течения отделяет Финляндию от Норвегии и впадает в Ледовитый океан; называется она " Тана ", а город при ее устьи - "Танен" с германизированным окончанием.

Генуэзцы и Венецианцы Танаис называют Таной.

Одно время Танаис носил название " Русской " реки, не по имени Великоросов, которых тогда не существовало, а по имени народа Рус, который носил и видоизмененное название Рос, Рас, ни с Варягами, ни со Славянами ничего не имевший общего.

Вещий Олег, настоящее имя которого было Хальгу, и Игорь, подлинные Русы, владели Танаисом | Артаной |, а так-же Азовским и Черным морем, почему они, река и море, назывались "русскими".

Об источниках Танаиса представление у древних народов были очень смутны, но самое точное из них было у Геродота, вероятно, потому, что он сам был в Ольвии и там собрал свои сведения о нем и о других реках. Он говорит, что Танаис берет начало из большого озера, что соответствует действительности, | из Ивань-озера - ударение на "и" - переименованное Москвитянами в Иваново-озеро, бывшее даже в 1500-х гг. большим озером |, и впадает Танаис в еще большее озеро - Палос Меотис, Азовское м.

Страбон по поводу источников Танаиса пишет, что " одни предполагали, что он берет начало в Кавказских горах и, поднявшись далеко на север, поворачивает назад и впадает в Меотиду; с ними согласен и Феофан Митилинский; а другие думают, что он течет от верхней части Истра | Дуная |. При впадении реки в озеро лежит соименный реке город Танаид, основанный Еллинами, владеющими Босфором ".

Арабы считали, что Танаис не был самостоятельной рекой, а был только рукавом, отделившимся от Волги и впадшим в Палос

Меотис.

Это мнение основано было на недоразумении: Арабы не могли объяснить себе каким образом Русы из Танаиса могли приплыть в Каспийское море, поэтому они решили, что Танаис выходит из Волги и что Русы, поднявшись до нее, спустились в Каспийское море.

Теперь это выяснено: Русы ходили в Каспийское море р. Манычем | на ней найдены остатки судов | и р. Сарпоу, впадающей в Каспийское море, делая небольшой переволок между истоками этих рек.

Говоря о Танаисе, мы коснемся так-же и других рек, находящихся в Донских пределах и когда-то носивших тоже Греческие названия.

Геродот сообщает, что Сарматы живут вверх по Танаису на 15 дней пути, это будет как раз до нынешней Переволоки, носившей прежде название "Большой Перевоз", так как в этом месте Дон близко подходит к Волге, то здесь была сосредоточна главная перегрузка товаров, шедших из Европы в Азию и обратно. И при Батне это место тоже было главным перевозом.

Над Сарматами живут Будины, в земле которых много чернолесья и фруктовых деревьев.

Это будет пространство между Доном и Волгой по рекам Иловле, Медведице и Хопру с их притоками.

"Свыше Будинов, продолжает Геродот, пустыня на 7 дней пути, а над пустыней живет народ, называемый Фиссагетами, в этой земле берут начало четыре больших реки, изливающиеся в Меотиду."

Имена этих рек: Ликус, Сарус, Танаис и Сиргис.

Танаис - вне всякого сомнения нынешний Дон, а не Донец, как думает то советский историк проф. Артамонов, намеревающийся переместить Танаис в Украину.

Что-же касается названия реки Сарус | у Геродота |, Сарус | у Плиния | и Варус | впоследствии у других |, то это надо думать есть нынешняя р. Хопер.

Из дальнейших слов Геродота выясняется, что Персидский царь Дарий Гистасп, преследуя Скифов, переправился вслед за ними на левую сторону Танаиса и дошел со своею армией до р. Сарус, а эта река вместе с другими берет свое начало в стране Фиссагетов, которая простиралась от истоков Танаиса по направлению к нынешнему Симбирску, след., указанные Геродотом реки имели свое начало в этом пространстве.

Третья р. Сиргис, также берущая свое начало в стране Фиссагетов, есть нынешняя р. Медведица, носившая название и "Салаваока".

Что-же касается четвертой реки Ликус, то приравнять ее к какой-нибудь современной реке довольно затруднительно. Жан Поттоцкий приравнивает ее к р. Битюгу, если-же отождествить ее с р. Иловлей, то это едва-ли возможно сделать, ибо она всецело находилась в стране Будинов.

Этою рекою могла быть и Великая Ворона, впадающая в Хопер,

в те времена большая река и тоже берущая свое начало в стране Фиссагетов.

Эти греческие названия рек Дечской территории во всяком случае указывают на какое-то древнее эллинское влияние в этих местах; так, гор. Гелон, сожженный Дарием, персидским царем, находился по всем предположениям на Хопре и был населен Эллинами, исповедывавшими свою религию и ее обычаи, говорили они греческим языком, но уже смешанным с другим языком, вероятно, Будинов или Смифов.

Кроме этих рек древние историки Страбон и Птоломей указывают еще на две реки, находящиеся возле азиатской Сарматии - Ромбит, большой и малый.

Страбон говорит, что это были два "залива", знаменитые своими рыбными богатствами, тогда как Птоломей обозначает их реками. Известно, что Танаис впадал в Азовское море двумя устьями; может быть, что эти два русла, тогда гораздо больших размеров, и принимались за "заливы", а указание на то, что эти заливы были знамениты своими рыбными богатствами, заставляют думать, что эти два Ромбита были двумя устьями Танаиса, так как устья Дона, его гирля всегда были необычайно богаты рыбой.

Со временем название реки Танаис исчезло и она теперь именуется Доном.

Когда и почему эта прославленная с древнейших времен историками и поэтами река переименовала свое поэтическое название Танаис на довольно прозаическое имя Дон?

Этимологию слова "Дон" объясняют таким образом: "конечно "дон" сравнивается с Zendским дана, новоперсидским дан, осетинским дона, дон и значит оно - кладовая, склад | "Ж.Ст." 1902 г. вып. I, 78 | по другим-же просто "вода" | Труды и Зап. О.И.Д.Р. ч. IV, кн. I, с. 71 пр. |

Название Танаис | Тана | существовало, как уже упоминалось у Византийцев, Римлян, Генуэзцев, но ни Киеву, ни Москве оно не было известно.

Нестор в своей " Повести временных лет " не упоминает р. Танаис, он говорит о реке Дон, как непринадлежавшей Славянам; то была, собственно, река Полян | Алан |, " яже ныне зовома Русь ".

Имя " Дон " насколько известно впервые упоминается в Ипатьевской лет. под IIII г. 6 " и приидоша к Донови во вторник, а в четверг поидоша с Дона ". В той-же Ипатьевской, а так-же и Лаврентьевской под IIII6 г. записано: " на Половецкую землю к реце, зовомай Дон ". Говорится о нем и в " Слове о полку Игореве "; там он также не именуется Танаисом, а Доном, Великим Доном в противоположность Малому Дону, Донцу.

Дружина обращается к князю: " Дон ти, княже, кличь и зоветь князя на победу ", и он отвечает ей: " А лубо мне с вами, Русичи, шеломам испити Дону ".

Москве название Танаис, как только что сказано, совершенно неизвестно. В посланиях митрополитов Феогноста и Алексея он име-

нуется Доном: " по Велику Ворону возле Хопер до Дону "

У Туркских народов название реки Танаис как будто не встречается; она у них известна под именем Дон, слово производимое с самыми разнообразными оттенками - Тон, Тан, Тен, Тин, Тун.

Заметим, что реки с именем Дон существуют и в других государствах, так во Франции их две: одна приток р. Авр, другая приток р. Вилен; в Англии тоже две реки с этим-же именем, впадающие в залив Гумбер - Дон и Старый Дон; есть река Дон в Шотландии, есть и в Северной Америке, впадающая в оз. Онтарио.

Случайное - ли это созвучие названий или это суть свидетельства каких-то катаклизмов человеческого расселения?

Имя Танаис, Тана начинает угасать к концу 1400-х гг.. В 1474 г. Азов был завоеван Турками, которые дали ему имя Адзак и, пожалуй, с этого времени древнее имя Танаис исчезает, отойдя в историю. Правда, в 1523 г. Кампензе в письме к папе Клименту VII пишет, что Москвитяне называют Танаис Доном, т.е. святым, потому что река сия изобилует рыбой и обтекает земли тучные и плодородные.

О красоте, многоводности и богатстве рыбой говорит и Рубруквис, который шел к Большому Перевозу по Донской земле. Герберштейн говорит, что этой реке | Дону | расточают всевозможные похвалы за необыкновенное множество превосходной рыбы и за приятность ее берегов, представляющихся тщательно возделанным садом, - в таком изобилии растут на них различные травы, сладкие овощи и самые разнообразные плодовые деревья. Дичи там такое множество и ее так легко добывать стрелами, что путешественники по тем местам для своего пропитания нуждаются только в огне и соли " | 102, 103 |.

О тучах птиц по Дону говорится и в путешествии митр. Пимена в 1389 году.

Говорит о Танаисе и Масуди: "Протекши пространство в 300 тыс. парсангов среди непрерывно культуриваемых земель, принадлежащих детям Имрета, Танаис пересекает Меотийское море |...|. Это огромный поток вод, о котором отмечают тоже древние философы. Там находят разного рода минералы, травы и лекарственные растения " . | I, 26 |.

Говоря о территории Дона, нельзя пройти молчанием, не сказав о крае, о пространстве земли, носившем название " Поле ".

На протяжении всех 1500-х гг., а особенно в начале и середине их в документах часто встречается указание на местность " поле ": на поле, в поле.

О " Поле " в исторической литературе существует несколько смутное, не совсем определенное представление.

Попытаемся насколько это возможно определить границы его, ибо в истории Казаков; да и не только в истории одних Казаков, оно имеет значение.

" Поле ", в его нарицательном смысле, обозначает ровное и безлесное | без больших лесов | пространство, покрытое тра-

вой, то, что мы называли степью. Со временем это слово стали писать с большой буквы и из имени нарицательного оно обратилось в имя собственное, так как с этим словом стали связывать определенную местность, большой край.

В Разрядной книге за 1615 год указаны местности, со стороны которых Московскому государству нужно было опасаться, а именно: "От Литовския Украйны, от Украйны, от Севера, от Поля". | Чтения, 1848 г., I, 52 |.

Здесь, как видим, Поле идет наравне с такими определенными территориальными величинами, как Литовская Украйна, Украйна, Севера, т.е., словом "Поле" обозначена географическая единица.

Донские казаки в расспросных листах в 1639 г. показали: "А ехали они |из Азова| через Поле, степью коньми", |Д.Д. I, 935| след., и сами Казаки рассматривали это "Поле", как определенный край, а не как просто ровную местность, ибо они поясняют, что ехали "Подем" степью коньми, отделяя таким образом "степь" от "Поля".

О Поле говорится, главным образом, в Московских актах, так как оно граничилось с Московским государством, а также и в Крымских делах. Первоначально оно именовалось просто "Поле", а потом ввиду-ли его запустения, или в связи с опасностями прохода через него, или-же вследствие его малозаселенности к нему прибавили потом слово "Дикое" | ударение на "о" |.

В 1614 году группа Казаков заняла для поселения место между Осколом и Валуйки: отвечая на запрос, они писали "в диком поле" очевидно разумея место не населенное.

О Поле находим такие сведения.

В 1585 г., посылал государь воевод своих на Поле к Азову по-Дону вниз по Ногайской стороне | Разрядная кн. за 1585 |. X |

В 1503 г. Московский посол доносит своему великому князю: "Как приедут царевичи и Казаки Азовские с Поля, и он | Крымский хан | кажет, тех царевичев и Казаков велел имати да к себе присылати. Да царь, кажет, посылал Казаков своих на Поле Азовских казаков искать и наехали, кажет, Азовских казаков у Тесны да их перебили и переграбили". | СРЮ, т. 41, с. 478 |.

Иван 3-ий в 1500 г. послал своего посла Кубеньского: "...и поидоша Подем и приидоша на них Татарове, Азовские казаки, Угус Черкас да Карабай и грабиша их на Поле". | Соф. л. 44 |.

В Новгородской лет. под 1491 г. о Поле говорится, что "из Казани царь Махмет Еминь послал-де на Поле своих воевод да и Казаков, | Новгород., IV, 159 |, а Василий 3-й в этом-же году пишет в Крым: "И яз Салтагана царевича на Поле послал с уланы, и со князи, и с Казаки, да и Русских есми воевод с русской ратью с ними послал". | СРЮ, т. 41, ст. 115 |.

Из этих данных, охватывающих собой целый век, видим, что

x | "Ногайской" стороной называлась левая сторона Дона и Дона, а "Крымской" - правая сторона Дона и далее по правой-же стороне Дона | Книга Большому Чертежу |.

южные границы Поля соприкасались с Азовским м., где находились Казаки азовские.

Восточными границами Поля был р. Дон, его правая сторона. В "Русском Хронографѣ" под 1554 г. говорится так: "Царя и великого князя Мещерские казаки, Урак с товарищи, Казанского посла Енбарса князя на Поле побили, близъ устья Медведицы." | Русск. Хроногр., XXII, 529 |.

По просьбе кн. Измаила Ногайского в 1556 г. Иван 4-й "По-лем на ртах | на лыжах | послал на Волгу для Измаилова дела Ка-заков 500 чел." Атамана Ляпуна Филимонова ". | Чтения, 1848, т. 9, с. 437 |.

Атаман Ляпун был послан на Волгу из городка Донского, на-ходившегося на правой стороне Дона недалеко от р. Тулучеевой и должен был итти к Волге Подем, т.е. через ту излучину, которую делает Дон, начиная от р. Тулучеевой до устья Донца; эта во-сточная граница Поля подтверждается и тем, что посла кн. Енба-сара " побили на Поле близъ устья Медведицы ".

Что-же касается северных и западных границ Поля, то их можно видеть, по крайней мере, в 1615 г., из Разрядной книги за тот-же год, где говорится в каких местах и какие бояре, во-еводы и дьяки должны были отбывать свою годовую очередь: "... от Поля: в Курске, на Ливнах, на Воронеже, на Ельце, на Валуй-ках, в Белгороде, на Осколе ". | Временн. И.М.О.И.Д. 1849, кн. I, с. 51, 52 |.

Но ранее этой даты границы Поля были гораздо севернее и западнее; так, в 1515-1516 гг., т.е. еще до присоединения Ряза-ни, Московский великий князь Василий 3-й пишет Буграну Азов-скому: "Да писал еси к нам в своей грамоте, что Селим-шаг-сал-тановы казаки Азовские ходили на Поле да у наших у дальних украинских мест взяли два человека"; | СРИС, т. 95, с. 234 |, след. Поле доходило до Московских границ.

Есть и такое распоряжение: "а велел им князь велики еха-ти на Серпухов, а от Серпухова в ворота на поле ". употребле-ние предлога "на", а не "в" указывает на то, что под "Подем" разумелся край, а не просто степь.

Таким образом, в общих чертах к 1615 г. границы Поля бы-ли таковы: Елец, Ливны, Воронеж, Курск, Белгород, Валуйки, Ос-кол, вероятно р. Бахмут и р. Кальмиус, затем Азовское м. и пра-вая сторона р. Дона до гор. Воронежа.

"Тебе известно", пишет Иван 4-й Ногайскому кн. Юсуфу, "что на Поле всегда лихих людей много разных государств, и тех лю-дей кому можно знать? Нам гостей | купцов | ваших на Поле бе-речь нельзя, а бережем и жалует их в своем государстве".

Из этих слов можно видеть, что Поле не входило в состав Московского государства и для Москвы оно было вне досягаемо-сти.

Это Поле и было тем местом куда Казаки стекались от про-извола из всех окрестных государств в поисках свободы и охра-ны достоинства человеческой личности, то были по Московским понятиям " лихие ".

"Лихих где нет?" спрашивает Иван 4-й того-же Юсуфа, "на Поле ходят казаки многие: казанцы, азовцы, кримцы и иные бальовни казаки; и наших окраин казаки: сие шавши сь, ходят и те люди, как вам, так и нам тати и разбойники". [Карамзин, IX, пр. 268].

"Те холопы наши, Сары Азман, и в нашей земле лихо многие делали и убежали в Поле". [Дела Ногайские, кн.3, л.118-119].

Здесь, в Поле, на р.Доне отдельные группы казаков из всех окрестных государств слились в одно целое, придав себе известную организованность, это было то место, где формировалось европейское казачество, здесь зачалось Войско Донское и отсюда исходила его радиация по всем направлениям: и на Волгу, и на Яик, и на Терек, и в Сибирь.

В более раннюю эпоху, чем 1615 г., северные и особенно западные границы Поля были, как уже говорилось, шире.

Кипчаки [прозванные потом Половцами], летнее и зимнее кочевья которых, как говорит Рашид-эд-Дин, простирались от Яика и далее на восток, пришли из Азии и заняли в частности и само Поле, и очень возможно, что прозвание свое "Половцами" они получили от того-же Поля - "Полевцы"; это слово в таком произношении может быть было не совсем удобно в разговорном языке того времени, почему оно из "Полевцев" обратилось в Полсцев.

Половцы владели этим пространством; на Дону и на Донце, который своею южной частью находился в Поле, были их города.

В Ипатьевской лет. под 1116 г. записано: "В се-же лето посла Володимер сына своего Ярополка, а Давид сына своего Всеволода на Дон, и взяша три града - Сугров, Шарукань [Торуканин], Балин [Балис]. Тогда-же Ярополк приведе себе жену, красну вельми, Яського князя дщерь полонив".

В продолжении Лаврент.л. под тем-же годом эти города названы иначе: "И три города взяша Половечьские Галин, Чешоев и Сугров".

Положение двух из перечисленных городов, Шаруканя и Сугрова, было на Дону, в недалеком расстоянии друг от друга, что видно из записи в Ипатьев.л. под 1111 г.: "..... и придоша к Дону во вторник. И облчавшася во броне, и полки изрядиша и поидоша ко граду Шаруканю". Жители вышли из города и вынесли им рыбу и вино; ночь воины провели под городом, "И заутра, в среду, поидоша к Сугрову, и пришедше зажьгоша и, а в четверг поидоша с Дона".

Ниже или выше устья Донца были расположены эти города сказать трудно.

Это пространство и далее на запад от линии вышеперечисленных московских городов и в 900-х гг. несомненно носило название "Поля"; в этом пространстве жил тот народ, который в русских летописях носил название Полян, само собой понятно от проживания их в поле, может быть - в Поле.

Вещий Олег - по новым розысканиям - Хальгу, этот древний "Донской Атаман" идя из Артаны | с Танаиса - Дона | на Киев в первую очередь покорил соседей своих Полян | Аланы |, которые после этого завоевания получили новое название по имени народа - завоевателя, имя Руси - "Поляне, яже н н н е зо-вома Русь".

Что Поляне жили в этом пространстве, находившемся во владении Хозар, след., бывшие под влиянием их культуры, а ранее бывшие под влиянием латинской культуры, несомненно и эллинской, можно видеть из Лаврентьевского списка лет. Нестора, где он описывает нравы и образ жизни Полян, Древлчан, Радимичей, Вятичей, рисуя Полян как народ, которого уже коснулась культурная жизнь, остальные же жили в лесах, как "дикие звери".

Что ранее этого они, жители Поля, сталкивались с культурой античной, Византийской и Римской, видно из того факта, что в этом Поле близь Большого Перевозу, нынешней Переволоки, находился, судя по названию, Греческий город Эксоролис | Внешний Город |, означенный на карте Птолемея, жившим во II в. по Р.Х. Между этим городом и городом Танаис, расположенным в устье р. Танаис, находился еще город, судя по названию, уже Римский - Наварис | Nauaris |, так же на карте Птолемея.

В этом же Поле находились памятники или алтари Александру Македонскому и Юлию Цезарю.

Кем и почему они поставлены?

По поводу этих жертвенников Герберштейн, дважды бывший в Москве | 1517 и 1523 гг. |, пишет:

"О жертвенниках Александра и Цезаря |...| или об их развалинах я не мог узнать ничего верного ни от туземцев, ни от тех людей, которые часто бывали в этих местах. Так же воины, которых князь каждый год посылает туда для разведыванья и отражения Татарских набегов, когда я спрашивал их об этом, отвечали, что они никогда не видали и не слыхали ничего такого. Однако они не отрицали, что около устья в Малого Танаиса в 4-х днях от Азова, близь места Великий Перевоз, у Святых Гор они видели статуи и какие-то мраморные и каменные изображения. | Герберштейн, 103 |.

На географической карте, составленной в 1703 г., | собственно изданной в этом году | известным французским географом Делиль по поручению Андрея Артамоновича Матвеева, имеется на уровне городка Манч такая надпись: "В 1685 году царская армия нашла античные памятники по направлению к тому месту, где Птоломей обозначает алтари Александра".

Между устьями речек Морской чулык и Донецкий чулык на берегу Азовского м. обозначено: "Порт Алтари Александра".

Кв. Гораций Флакк | 65-68 гг. н.э. | пишет в своих стихах: "Не нарушат Юлиевых | Цезаря | повелений ни те, которые пьют воду глубокого Данубия | Дуная |, не Геты, ни Серы или вероломные Персы, ни | народы. | родившиеся близь реки Танаида".

Вот эти-то народы, подивившись близь реки Танаида, и могли поставить памятник, алтарь или жертвенник Юлию Цезарю, ибо они находились под его властью, почему и не могли нарушить его велений.

Другой Римский поэт, Клавдий Клавдиан, 375 г. н.э., говорит в своих стихах, выражая тогда общеизвестные факты: "Строптивый Сармат желает присягнуть тебе; Гелон, отбросив звериную шкуру, служит в войске, вы, Аланы, перешли к латинским уставам".

Этот переход Алан - Полян к латинским уставам был причиной их более культурного состояния, как это отмечено летописью Нестора.

В этом-же Поле, как уже упоминалось, находился жертвенник или алтарь и Александру Македонскому.

По поводу этого жертвенника Птоломей говорит, что ниже поворота р. Танаид расположены: Александровы алтари $63^{\circ}-57^{\circ}$, Кесарева | Цезарева | алтари под $68^{\circ}-56^{\circ} 30'$, и между устьями | Танаиса | лежит город Танаид - $67^{\circ}-54^{\circ} 30'$.

Александр Македонский основал в Египте город своего имени - Александрию, как-бы южный предел своих завоеваний; в Индии, когда Македонцы отказались идти дальше, он приказал поставить жертвенник своего имени, служивший как-бы обозначением пределов его восточных завоеваний.

Курций Руф, Римский историк | 50-ые гг. н.э. | пишет, что "Александр Македонский, благосклонно приняв Скифских послов, | очевидно Азийских |, послал Берду к Европейским Скифам, запрещая им переходить Танаис... На берегу Танаида царь выбрал | ? | место для основания города | Латышев. II. в. I, 130 |.

Плутарх по этому поводу пишет иначе, что Александр Македонский "прошел еще реку Фексарт | другие историки называют ее Яксарт, Орксантес - нынешняя р. Сур-Дарья |, которую он принял за Танаис и разбил Скифов.

Некоторые историки рассказывают, что в это время к нему пришла царица Амазонок с 300 женщин и провела у него 15 дней, но другие историки считают это басней. Берда, очевидно, был послан с известными инструкциями, в том числе поставить жертвенник, как предел его северных владений.

Некоторые из историков даже склонны думать, что название реки Берды дано в честь этого военачальника.

Но то, что находилось по левую сторону р. Дона, то было "Заполье" | за Подем |; в этом наименовании "Заполье" можно видеть факт, подтверждающий, что "Поле" было определенное место с именем собственным.

Иван 3-й пишет сестре своей Огрофене | Агрпине |, княгине Рязанской: "... чтобы им | послал | от ваших людей, от полян, лиха которого не было". | СРМО т. 41, с. 366, 1501 г. |

Левую сторону р. Дона и сами Донские казаки считали "Запольем", когда они грозили Московскому царю очистить р. Дон и

все реки "запольные".

"Дон - реку от низу и доверху и реки Запольные все до самых украинских городов Крымским и Ногайским людем распространены" или же в отписке по поводу обезглавления Карамышева писали: "... что наше, донских атаманов и казаков, на Дону и по Заполью, везде имя казачье не именовалось".

07-м } Название "Заполье" делалось еще и при Петре I-м. Так, в 1724 г. он пишет на Дон: "Велено из Донских казаков с Запольных речек перевести 500 семей на Аграхань, 500 семей на Гребни". | Акты Лишина, I, 308, 1724 |.

Таким образом видим, что Донская земля также, впрочем, как и Кубанская и Теркская, таит в себе историю древнейшую, но к сожалению совсем еще неразработанную.

При определении границ территории Донской Республики всегда надо иметь ввиду то, к какой именно эпохе они относятся, так как пределы ее, как и всякого другого государства, менялись.

Тогдашние границы государств не имели ничего общего с нынешними, когда между государствами ставят столбы и разъезжают патрули, государственные границы в те времена обычно определялись реками, горами, большими лесами.

Но когда между государствами находилась большая и ровная степь, пространства, занимавшиеся только во время кочеваний, а в другое время земля бывала пуста, то границы были весьма неопределенны и из-за них между соседями возникали постоянные споры. Сами же Казаки определяли свои пределы своеобразно "казацкий присуд".

"Ведаете вы и сами [Верховне], как вы приходили изо всех рек казачьева присуду Азова достигать". [Дон. Д. I, 809, 1638].

Из достоверных и строго определенных географических карт Донского Войска¹ мы имеем карту, утвержденную Екатериной 2-й в 1786 г. и переданной Дону только в 1793 г.; в ней территория Дона представлена по сравнению с той, какой она была первоначально, уже в сильной степени окромсаной: Дон намеренно отрезан от Волги линией, идущей в отдалении от ее правого берега и параллельно ей самой; около гор Новохоперска между нашей территорией и Тамбовской губ. как-то глупо в виде пузыря с узким горлышком врезается на довольно значительном пространстве территория Воронежской губ.,² включая при этом и оба берега р. Хопра, опять таки отрезаны от реки.

Территории Екатеринославской и соседней с ней Харьковской губ. также врезаются в наши пределы в виде длинного клина, вершина которого захватывает наши Донские земли до Богучара, принадлежавшего Дону.

Все это несомненно результат действий Петра I-го, который в досталь налюбовавшись на засушенные головы К. А. Булавина, И. Г. Зерщикова и других Казаков, воткнутое на шести, из Черкасского отправился в Изюмский полк, принимавший участие в подавлении движения К. А. Булавина, где Петр I-й провел целые сутки, "много веселясь".

1 | Дружинин говорит, что сами Донские казаки имели у себя карты Дона; одна из таких карт была обозначена в описи имущества оставшегося после казни Казака. [Друж. Раскол на Дону, 60, пр. 68. Допол. к Акт. Истор. XII, 171 № 171. Не сохранилась ли она в архивах, что было бы чрезвычайно важно как для определения границ Войска Донского, так же и для определения взгляда самих Казаков на свою территорию.

2 | Около гор Новохоперска находятся "слободы" Алферовка, Пыховка, Красненькая - все это бывшие наши казачьи земли, захваченные "знатными господами" - Половцевым, Долгоруковым, Раевским и др.; этот последний был известен по Хопру своими кабаками ["культуртрегер"], на вывесках которых так и красовалось "генерал-майора Раевского".

Как на самый западный пункт нашей Донской территории Татищев указывает на Луганск: "по Донцу Северскому Верхняя станица Луганск". [Лексикон, "Донские казаки"]; однако А. Попов [289] говорит о ряде других наших городках по Донцу - же, расположенных выше Луганска и уничтоженных кн. Долгоруковым, а именно: Староайдарский, Новоайдарский, Боровский, Краснянский и Сухаревский до Изюма, а так-же по Айдару, Деркулу, Калитвами и по другим рекам.

Ригельман приводит такой список уничтоженных городков "... по Донцу, почав с Шульгина кн. Долгорукий уничтожил Писаревку, Сухаревку, Краснянскую, Боровскую, Сватову Лучку, Трехизбенскую, Мостки, Муратовскую, Айдар, Ямы, Бахмут и прочие сверх того места многие, даже до самой Луганской станицы - все это было вырублено и сожжено".

Бахмут, где была наша Бахмутская станица, есть пункт особенно невраждебный. [соляные варницы], был сожжен до тла Шидловским¹ с его Изюмским полком, о чем он с радостью доносил Петру I-му, что он Донским казакам "конклязию учинил: Бахмут выггли и разорили".

После поражения Булавина в Бахмуте вновь учреждено добывание соли, но уже под охраной регулярного гарнизона: когда двое ссорятся - обычно выигрывает третий.

В своем утверждении о наших западных границах А. Попов прав, так как этому есть документальные подтверждения.

В 1647 г. Донские казаки пишут в Москву: "ехали мы с Дону из Черкасского городка [...] и выше Айдара, а ниже Боровой в казацком юрту у Трех Изб переехали мы Татарскую сауду" [ДД. III. 676], а в 1682 г. Московский царь пишет Донскому Атаману Фролу Миняеву: "били челом нам, вел. государю, ген. Касагов... И на речке-де Северском Донце построен ваш казацкий городок Донецкой-Сухаревской юрт от Царева Борисова в 20 верстах и ныне городки" [Лш., 109]; след., в 1682 г. границы наши по Донцу доходили до р. Оскола, за которым находился гор. Царев Борис.

В статье "Бахмут"² явно пристрастно оспаривается наше, Донских казаков, право на Бахмут.

"Отысканы [автор статьи хитро не говорит кем отысканы] соляные источники по реке Бахмуту; "многие промышленники перебрались с Торца на Бахмут. Потом перешли сюда жить Черкасы многие, так-же и Русские всяких чинов служилые люди и беглые помещиковы люди и крестьяне многие-ж. Донские казаки начали выказывать притязание на владение рекою Бахмут, где они яко-бы соль варили и от неприятеля отпор делали еще с 1683 г. По розыскам оказалось, что Донские казаки "как и другие люди живали здесь наездом для звериной ловли и покосов, и для зимнего времени строили курени и землянки".

1] Шидловский не украинского происхождения; его первоначальная фамилия была Шилов, чисто великорусская; затем он изменил ее в Шидлова, а затем еще раз в Шидловского. За какие-то проделки его присудили к смертной казни с отобранием всего имущества; за "заслуги" жизнь ему сохранили, но имущества не возвратили и жизнь он закончил приживальщиком.

2] Городские поселения в Российской Империи. "Бахмут".

Автор этой заметки заключает, что земли те, хотя и считались Крымской стороной, в полном смысле были *res nullius*, т. е. ничьи и, след., по всей справедливости к ним должно применяться *jus primi occupandi*, т. е. право первого занявшего место.

Но если Донские казаки уже имели здесь зверинный промысел, имели свои покосы, строили свои куреня и даже землянки для зимнего времени, след. не только летнее, но и зимнее время проводили здесь, и они первые устроили тут свои солеварни, то ясно, именно только на них одних и распространяется право первых занявших это место, ибо только после устройства здесь Донскими казаками своих солеварниц, сюда стали перебираться с Торга и Черкасы, и Русские всяких чинов.¹

После Петровского кровопускания место это было приписано к ведомству Слободских полков и насильственно и не по совести, также как производились и дальнейшие недобросовестные отторжения наших территорий Великоросами и Черкасами.

Нападения Изюмского полка на Донских казаков, живших по р. Бахмуту и образовавших там свою Бахмутскую станицу, где Донские казаки нашли и первые открыли там свои солеварницы, начались ранее 1703 г.

Обезпокоенные постоянными нападениями и вторжениями Изюмцев, Черкасов и "помещиковых людей", Донские казаки жаловались на них Петру I-му, и от него была прислана грамота на имя Донского Атамана Лукьяна Максимова. В ней говорилось: "А что те-же атаманы и казаки били челом нам, вел. гос-рю, чтоб Изюмского полку казакам на Бахмут-речку, к новопоселенным на той речке верховым донским казакам не ездить и никаких задоров не чинить и соли из тех мест не вывозить, и по нашему, в. г-ря, указу посланы наши, в. г-ря, грамоты [...], велено те места описать в чьих они дачах и учинить чертеж, и новопоселенных жителей переписать, и донских казаков жителей поселения от поселения торских черкас в скольком расстоянии". [Лист., I, 208; 1703].

Из этого видно, что торские Черкасы не жили на Бахмуте, почему и названы Торскими, и Бахмутом не владели, а находились в некотором расстоянии от него.

В 1700 г. на север от Донца наша территория простиралась по восточному берегу Оскола до Волуек и Рыбного [Острогояск], что видно из грамоты Петра I-го к Донскому Атаману Илье Григорьеву [Зершикову]: "... и указали мы, в. г-рь, вам, атаманам и казакам, сего настоящего лета Верховых донских казаков, которые живут по Хопру и по Медведице и по разным рекам, перевести и населить по двум дорогам к Азову: одних до Волуйки, а других до Рыбного к Азову-же, по урочищам, по речкам - по Кундрючке, по Лихой, по Северскому Донцу, по Каменке, по Белой Калитве, по Черной, по Березовой, по Тихой, по Грязной, чтоб те оба пути с нынешнего 1700 году были населены и жилы". [Лист., I, 190; 1700 г.].

¹ След. соляные варницы были открыты Донскими казаками, почему сюда и стали "перебираться" и Черкасы и Русские люди.

В сознании своих прав и желая обезпечить себя от будущих недоразумений, в 1707 г. Войско Донское потребовало от Московского царя Петра I-го грамоту на владение Бахмутом и рр. Красной и Жеребцом.

Уклоняясь от ответа, Петр дал распоряжение, чтобы Донские казаки по делам обращались в Москву, а в Москве обратиться было не к кому; так дело и осталось официально неразрешенным.

По левой стороне Дона границы Войска Донского шли до Тихой Сосны; с 1683 г. в гор. Коротоякс была пограничная с нами Московская застава. "На пограничной с войсковой землею заставе, учрежденной в Коротояксе, говорит Сватиков, [115], велено было делать обыск и "вынимать беглых". [1683 г.]. У этой заставы "вынимались" беглые, всегда в некотором количестве, уходившие на Дон под прикрытием станиц, ибо, перейдя эту заставу, они вступали в пределы казачьего присуду, где Москва уже не могла наложить на них своей руки.

Относительно р. Богучара Петр I-й пишет Донскому Атаману Лукьяну Максиму: "А которые Донские казаки поселились на реке Богучарах, и тем казакам жить на той реке, а на иные места не сходить; а Дивногорского монастыря архимандриту на вышеписанные места въезжать и вступать не велено, потому что те казаки в тех местах поселились по нашему, в.г-ря, указу". [Лист. I, 207, 1703 г.].

Хотя Петр I и утверждает, что Донские казаки поселились на р. Богучарах по его указу, однако это совсем не так.

Речка Богучар находится несколько выше р. Толучеевой, около которой находился наш главный городок Донской, след. р. Богучар находилась в нашем владении с давних времен, и поселение на ней Донских казаков по указу Петра I-го есть простая реституция издавна нам принадлежавших земель.

И прав был Донской Атаман Н.Н. Краснов, когда он в своей инструкции своему послу генералу Свечину поручил добиваться обратного присоединения отторженных Донских территорий.

Таким образом еще до Петра I-го наши западные границы шли так: от устья Кальмиуса по самой реке до ее истоков, потом на Верхний Бахмут и от истока его до его устья на Дону, затем вверх по самому Дону до устья р. Оскола, вверх по Осколу до истоков реки Тихой Сосны, отсюда по Тихой Сосне она идет к Дону.

В 1707-1708 г.г. произошел чудовищный погром Донских казаков, после чего от Дона были отрезаны огромные территории.

О нашей территории Миллер говорит кратко: "с севера на юг 500 в. с запада на восток 300-400 в. [не указывая конечных пунктов]. Однако, продолжает Миллер, перед этим она была гораздо больше, ибо в 1708 г. добрая часть ее, из которой теперь составлена Бахмутская провинция, к губернии Воронежской и некоторые города к Белгородской губернии отрезаны". [Muller, 392].

Но урезание нашей территории с западной стороны этим не

кончилось.

В 1743 г. Донскими казаками была подана в Сенат жалоба на захват их земель Запорожскими казаками и о причинении ими Донским казакам и проезжающим обид, разорений и грабительств.

В заседании 10 октября 1743 г. Сенат приказал произвести расследование и разграничить земли, составив верный план, а присланную Запорожскими казаками при Мюсе Белом Камне и Темернике команду удалить, и Запорожскому Войску предписано немедленно прислать в Сенат ответ по какому праву это ими сделано".

[ПСЗ. т. XI, № 8804].

В 1746 г. 30 апреля Сенат утвердил произведенное разграничение, а именно: Запорожцам, от Днепра рекою Самарою, Волчьими Водами, Бердою, Кальчиком и Кальмиусом [...] со всякими угодьями по прежнюю 1714 г. границу, которая и по последнему с. Портою Оттоманскою разграничению оставлены в стороне Российской Империи; а от реки Кальмиуса, Еланчиком, Кринкою, Миюсом, Темерником, даже до реки Дону, так-же со всякими угодьями Донским казакам. И для того быть между ними, Запорожскими и Донскими казаками, помянутой речке Кальмиусу границею и от вершины оной, прямою чертою, даже до прежней 1714 г. границей, учинить приличную межу и поставить грани. [ПСЗ, т. XII, № 9282].

В 1751 г. 23 октября в Сенат вновь последовала жалоба для исследования о населенной во владении Войска Донского казачьем юрту Донецкого Успенского Предтечева м-ря Черкасами слободе и сверх того о поселившихся слободами Черкасах на речках Деркуле и Явсоге. [П.С.З., XIII, № 9891].

Расследование было перенесено на весну 1751 года.

Как разрешен был этот захват наших земель автору неизвестно, но судя по нынешним картам, эти земли и еще ниже по Дону уже не находятся в нашем владении.

Указ о размежевании земель Донского Войска последовал 15 марта 1766 г., работы закончены и карта утверждена 10 октября 1786 г., передана-же она была, как сказано, вместе с грамотою 27 мая 1793 года; Приазовье-же, исконное наше владение, было возвращено нам только в 1887 году.

Как первое указание на северные пределы Донского казачьего присуду может служить грамота Московского царя к Донским казакам от 1584 г., в которой он просит их проводить своего посла Благова "от Азова до Рязского города меж себя городок от городка". [С.Г.Г.Д. II, 86].

Следует-ли из этой фразы, что казачьи пределы простирались до города Рязска?

Сватиков, например, отрицает это, указывая на "ошибку" Х.И. Попова, считавшего, что наши казачьи городки шли до самого Рязска. [Сват., I7, пр^{XX}]. А почему "ошибается" Х.И. Попов об этом Сватиков умалчивает, тогда как прямой смысл фразы "до Рязска меж себя от городок до городка" ясно указывает на то, что наши городки в то время подходили к городу Рязску.

Такое расположение их подтверждается и фактом существова-

ния казачьих монастырей у Шацких ворот на р. Цне, основанный в 1573 г. донским казаком иеромонахом Матвеем, а так-же в Лебедяни, в Борщеве.

С другой стороны для определения наших северных границ, надо знать и то - до каких пределов по Дону в то время [1584 г.] простиралось и само Московское государство.

Из содержания титулов Московских царей Ивана 4-го и его сына Федора, титулов, в которых перечисляются их владения, видно, что на юге они ограничивались бывшим великим княжеством Рязанским, след., южными пределами Московского государства в то время были южные границы великого княжества Рязанского. Это последнее было присоединено к Москве в 1517 г.; поэтому надо знать до каких пределов простиралось само Рязанское великое княжество.

Иван 3-й настаивал в 1501-1502 гг. перед Огрипиною, в.кн. Рязанской, чтобы она заказала своим людям лучшим, средним и молодым ходить на Дон; значит, Дон не находился в пределах Рязанского княжества и во власти Рязанской княгини он не был, иначе нечего было-бы запрещать ходить туда; Дон был отдельным, независимым; утверждение Карамзина [I, пр. 493], что княжество Рязанское, бывшее уделом Черниговского, включало в себя и часть нынешней Воронежской губ., не может быть принято во внимание, так как это относится к истории 1100-х гг.

Для охранения своих владений Московское государство ставило пограничные укрепления. Во время Ивана 4-го было две таких линии: первая - внутренняя, вторая - внешняя, и эта последняя шла таким образом: Алатырь, Темников, Кадом, Шацк, Рязск, Данков, Епифань, Пронск, Михайлов, Дедилов, Новосиль, Мценск, Новгород-Северский, Рязск и Путивль.

Вот эта то внешняя линия, официальная, и была пределом Московского государства того времени, и то, что было за ней на юг, Москве не принадлежало, поэтому слова грамоты, "до Рязска меж себя" подтверждают эти границы, и за их пределами начинался уже "Дон", земля казачьего присуду.

Во всех вышеперечисленных городах были Казаки, приходившие с Дону на службу к Московскому царю и уходившие с нее, когда это им хотелось.

Последующие постройки Московскими царями городов Воронежа, Ливен, Ельца, Куреска, Кром, а так-же Белгорода, Оскола, Валуек, Царев Бориса [1600 г.], Усерда [1641] обуславливалось вовсе не борьбой "метрополжи", направленной против Донских казаков, "своей колонии" и не самой "колонизацией" как об этом велеречиво утверждает С.Г. Сватиков и другие великоросские историки, а просто самозащитой Москвы против Крыма, ибо Крымский хан продолжал считать Московского царя своим данником и требовал от него уплаты ее, а поэтому он и делал на Москву набеги, чтобы побудить его вносить дань.

"... и помысля поставити по с а к м а I | Татарским го -

I | "Сакмами" назывались пути, по которым Крымские татары обычно совершали свои набеги на Московское государство.

роды и посла воевод своих со многими ратными людьми. Они-же, шедше, поставиша на степи города: Белгород, Оскол, Валуйки¹ и иные города, а до тех городов поставиша на у к р а и н е города: Воронеж, Ливну, Курск, Кромы. И насади ратными людьми, казаками и стрельцами и жиганскими людьми". [Лет.ХІУ, 45; 1593]; след. города эти были Украиной, т.е. крайним пределом Московского государства.

В Разрядной книге за 1615 г. указаны города на границе Московского государства с границами других областей и мест, не принадлежавших Москве, так, например, на границе - от П о л я были города Курск, Ливны, Елец, Лебедянь; эта линия городов служила северной границей Поля; следующие города - Валуйки, Белгород, Оскол находились уже в самом Поле.

В своем "Лексиконе" Татищев указывает как на самый северный пункт Донской территории на Новогорье, не говоря о времени, к которому относится это сведение; он называет еще следующие наши станицы, расположенные по Дону ниже Новогорья; места эти ныне тоже находятся вне наших пределов: станица Икарец, ниже Дивногорского монастыря, станица Усть-Битецкая, при устьи р. Битюг, станица Белогорье и станица Богучар.

Как ныне называется Новогорье неизвестно. В русских географических словарях этого названия не встречается, но есть название Новоголье, в 50 верст. от Новохоперска, на р. Савале.

По словам Татищева-же Донские казаки, живя в Мещере по городкам, имели свой главный городок на Дону, называемый Д о н с к о й, где ныне ["Лексикон" издан в 1793 г.] монастырь Донской, находящийся на правом берегу Дона, ниже Толучеева 16 вер.

Попов А. о главном городке Донских казаков говорит несколько иначе. Он считает, что первый главный городок Донских казаков находился в Черкасском, а территория Донского Войска доходила до того места, где ныне гор. Задонск [...] и что оно имело тогда крайний и ближний на р. Доне к Ельцу городок на том самом месте, где ныне в Воронежской губ. гор. Задонск и монастырь. "Мы усматриваем, что сие войско издревле называлось Донскими казаками, а земля их К о з а к и е ю".

Это название земли Войска Донского как "Козакия" в русской исторической литературе встречается впервые.

Какие же были в о с т о ч н н е границы Дона, Донской Республики?

Этими границами первоначально была часть р. Волги. В Новой лет-пи [33] говорится так: "Есть-бо на полуденную страну река, глаголемая Дон, на нем-же живяху Казаки; от Дону-же не в дальнем расстоянии река, глаголемая Волга, на ней-же Казаки живяху и воровяху много по Волге и по иным рекам". След. Казаки владе-

I | Соответственно: в 1698, 1593, 1593 гг.

ли частью правой стороны р. Волги, им принадлежал гор. Камышин ["Как на речке, на Камышенке"]. Можно даже думать, что и гор. Вольск, Саратовской губ., иначе говоря Вольск, название по р. Волге, как и городок Донской назван по р. Дон, также принадлежал Казакам, ибо в Саратовских степях Казаки жили! "Как на славных степях, на саратовских"; таким образом эта средняя часть Волги, правая сторона, принадлежала Казакам; с покорением Москвою царства Казанского [1552 г.] и Астраханского [1554] она захватила эту среднюю часть правой стороны Волги и стала распоряжаться там по своему усмотрению.

Первая посылка Москвою против этих "грабивших" по Волге Казаков была посылка в 1556 г. атамана Лялуна Филимонова.

Все историки единогласно отмечают, что казачьи "грабежи" по Волге начались только после этого покорения Казани и Астрахани, до этого же времени грабежей там не бывало.

Но первоначально то не были грабежи в вульгарном смысле этого слова, то была защита Казаками своих владений от притязаний на них кого-бы то ни было.

Если бы в нынешние времена какой-нибудь пароход попытался бы из Черного моря пройти по всему Дунаю, то он был бы остановлен в каждом государстве, чрез которое протекает Дунай и в случае упорства в намерении плыть дальше, то он был бы обстрелян и даже "конфискован", говоря по-просту - "пограблен".

Жизнь совершается по одним и тем же законам психики и политики.

До отнятия у Казаков этого берега Волги, "грабежей", как сказано, не бывало, потому что этих владений Казаков никто не нарушал, и они распоряжались там по своему усмотрению, защита же Казаками своих владений от Москвитинских притязаний могла выразиться в те времена только в препятствовании торговым и дипломатическим сношениям Москвы с иностранными восточными державами.

Если наши границы с запада сначала обрезались грубо и кроваво соединенными силами Москвитинов и Черкасов [по тогдашней терминологии], а потом постепенно оттеснялись Черкасскими при некотором содействии Великоросов; если с севера Москвитины издавна, постепенно и незаметно стали оттеснять Казаков вниз на юг, захватывая их земли, а на востоке отобрали силу, то на юге борьба за них шла активно: здесь Донские Казаки встречали мир не христианский, как на западе и севере, а мир мусульманский, здесь был казачий *Drang nach Süden*: взятием Азова и получением свободного выхода в открытое море этот напор мог бы и закончиться; здесь Донские казаки могли бы развить формы государственного бытия уже более совершенные, так как взятие Азова было совершено ими исключительно по своей инициативе, для себя, помимо Москвы и молча от нее.

В дальнейшем эти южные границы менялись, Великоросы на Донской территории даже ставили свои крепости: Транжамент ниже Черкасского, а потом перенесенный выше его под названием Но-

ный Транжамент; самая южная часть Донской территории попадала и в руки Турок.

Не будем останавливаться на мелких перепитиях в изменении границ Донской территории на юге; они в конце концов приняли свои первоначальные положения, но не то случилось с западными, северными и восточными границами, как основанными на насилии: они должны подлежать пересмотру и существенному изменению.

Таким образом видим, что Донская территория в течении веков кромсалась со всех сторон, пока она, как и территория других Казачьих Войск, Великоросами не были сметены с "лика земли Русской", как-бы выполняя угрозы Иван-Карамышева, о котором Донские казаки писали Московскому царю: "чтоб нас всех побить и до конца погубить и разорить и искоренить и городки наши без остатку пожечь, чтобн наше, Донских атаманов и казаков, на Дону и по Запольшю, везде имя казачье не именовалось".

Фраза эта, стоившая Иван-Карамышеву головы, теперь выполнена, и ныне имя казачье ни на Дону, ни по Запольшю уже не именуется.

И. БУДАНОВ.

КАСАГИ, КАЗАРЫ, ПЯТИГОРЦЫ.

Для населения Томаторкани время княжения Мстислава Храброго [988-1036] оказалось одной из наиболее счастливых эпох.^x Совместными усилиями князя и его черкасского народа, пределы этого северо-кавказского княжества расширились до Днепра и верховьев Дона. Все враждебные кочевники были укрощены и отогнаны за границы новых владений. По безопасным теперь просторам размещались свободно и мирно многочисленные племена наших предков. В их взаимном общении завершился начатый давно процесс образования новой народности: Касаги, Казары и Торки, в сознании своего политического единства, все стали называться Казаками.

Подобное этому имя принадлежало, собственно, и прежде, некоторым из их предков: уже тысячу лет на Южном Кавказе жили Скифские племена Ка-Саки, прародители Касагов. Но нужно полагать, что с кавказскими Скифами состояли в каком-то родстве и Торки. Ригельман упорно называет их Касаками [Косаками].

Вот пример.

В Киевском Синописе записано: "Победивши Татар, Казаки житье остались между реками Доном и Днепром"; Ригельман дополняет эту запись своими соображениями: "От тех лет, по свидетельству историков, КАСАГИ, победивши Татар, дошли и до здешних мест, они, следовательно, тут и остались жить".

Речь здесь идет о Торках. В 893 году они прогнали за Днепр Татар-Печенегов и остались кочевать на Донце.

Константин Багрянородный, которому принадлежит сообщение об этом событии, называет Касаком одного из вождей-победителей.

Подобно Ригельману, Н.М. Карамзин тоже считает, что "Торки и Берендеи, называясь Черкасами, назывались и Казаками".

Таким образом, имя Казаков, Черкасов и Торков переплетается со старинным скифским - Ка-Саки.

Касаги и Торки - Касаки это два родственных слагаемых казачьей народности. Во время же Мстислава Храброго с ними окончательно слились представители славянской языковой группы на Кавказе, Меото-Казары.

Когда то, очень давно, Меоты жили вдоль восточного берега Меотийского или Азовского моря. В начале нашей эры они представляли из себя смесь многочисленных племен, различных по имени, по быту и степени культурности.

Мореходство, рыбная ловля и заготовка рыбы впрок давали им средства к существованию.

Греки узнали их уже тогда, когда основали свои Черномор-

x | См. Г. Губарев. Мстислав Храбрый, князь казачий. Газета "Казак" № 19.

ские колонии, т.е. в 8-7 в. до Р.Хр. Историк Геродот [У в. до Р.Хр.] и Страбон [I в.н.э.] обнаружили в области их расселения, некоторые совершенно славянские географические названия: Кремни, Цепи, Бог.

Отсюда следует, что в известной части они пользовались уже и тогда славянской речью.

В начале новой эры, когда на Северном Кавказе установилась власть Аланов, часть их еще оставалась на своих местах и вела прежние промыслы.

Когда же пришла первая волна Великого переселения народов и в 375 году на наши степи из Азии хлынули неисчислимые массы свирепых Гуннов, Меоты, так же как и сами Аланы, скрылись от уничтожения в горах, где с перерывами и пребывали почти три века среди черкесских племен Зигов и Касагов.

Удалось им вернуться в свое Приазовье только тогда, когда на Волге в VI веке образовалась сильная империя Хазаров-Алаторсов.

Вскоре после этого и начались морские нападения Хазаров, как теперь называли Меотов, на Византию. Очевидно, в результате долгого сожительства с морскими корсарами Зигами они приобрели знакомство с их черноморскими военными маршрутами, а вместе с тем и опыт в искусстве навигации.

Греки называли их Кассарами по той причине, что местность их расселения у них носила имя Кассарии [2].

Кто такие Казары "объявляет нам ясно взятое из греческих летописцев Российския Четьи Минея, повествованием своим в месяце мае, в II день, что Казары, коих Греки Казарами, Римляне же Газарами называли; был народ скифский, языка славянского, страна же их была близ Меотического озера." "О храбрости народа того много в древних летописцах Греческих и Римских описуется, а наипаче Царюграду опасны были, подходили под град оной морем, под ним же и побеждены были чудесно в царство Ираклиево." [Ригельман].

Описание этого события имеется в "Краткой летописи Никифора патриарха Константинопольского" под годом 626-м.

Во время осады Константинополя [Царьграда] в союзе с Персами и Аварами Славяне нападали с моря в лодках - моноксилах, причем среди их убитых оказались и женщины [3].

Но предавая разорению города и села далекой Византии, Казары мирно общались с черноморскими греками-колонистами, вели с ними торговые дела, приобщались к их древней цивилизации и от их иерархов познавали Христово Учение.

Около 850 года Кассарию посетил Св. Кирилл - философ. Он прибыл сюда для изучения языка Казаров, сохранявшего еще нетронутые следы древнего наречия Споров, прародителей Казаров, Славян, Антов и Венедов [4]. Но это его научное посещение для духовной жизни наших приазовских предков обратилось в очень крупное по значению событие.

Именно Св. Кириллу выпало на долю довершить обращение Казаров ко Христу. Он выполнил обряд Крещения над всеми, кто еще там не принял его из рук епископов Зигии и Томитани.

Заклочительный акт торжества Христианства среди Казаров произошел около 850 года.

На Днепре в это время жили еще разрозненные языческие племена Славян, платившие дань Хозарскому царю.

Когда с севера от Новгорода явились сюда норманские князья, основоположники русской государственности, приазовские христиане, опытные мореходы, шли на службу в их варяжские дружины. По летописной записи 944 года они имели в языческом Киве свою церковь Св. Ильи.

В 965 году русский князь Святослав, победив хазарского царя, отобрал от него часть Северного Кавказа. Вначале эта область между Кубанью и Доном попала под управление киевских наместников, а после 988 года там было образовано отдельное княжество Томаторканское. Тогда оно и досталось во владение юному князю Мстиславу Владимировичу.

При жизни отца до 1015 года томаторканский князь оставался от него в зависимости, а когда Владимир Святой умер Томаторкань стала независимой и победоносной соперницей Кива.

Население ее, в том числе и Казары, распространились на Дон, Сулу и Сейм.

Годы следующие за смертью Мстислава были для Черкасов-Касаков началом русских и половецких насилий.

Его брат Ярослав, не найдя покорности у жителей днепровско-донской степи, пошел на них войной.

Ригельман, очевидно, на основании погибших впоследствии хроник, говорит, что Ярослав, овладев "многими землями вдоль Днепра реки простиравшимися, покорил под свою власть Касаков, которых прежде больше всего опасался".

Из них, однако, Торки-Касаки примирились с властью Кива только в 1064 году, возвратившись с Балкан, куда они пытались скрыться от Половцев и их союзников Русских. Истощенные голодом, болезнями и постоянными нападениями дунайцев, они вернулись назад и разместились между Днепром и Ю. Бугом.

Дети Ярослава Мудрого разобрали державу Мстислава Храброго по частям, причем враждебная Киву Томаторкань к концу XI века оказалась совершенно отрезанной от Днепра широкой полосой половецких кочевий.

Тут она исчезла и из поля зрения русских летописцев. Те Казаки, которые оставались еще в близком общении со Славянами, попали в летописи под старыми прозвищами Черных Клобуков, Черкасов или под прежними племенными именами Торков, Берендеев, Торпеев, Коеуев и т.п.

Когда же Татары, придя из Азии в 1337 г. принудили Русь платить себе дань, "тогда и Казаки отторгнулись от державства Российского и оставались под властью Татар, а иногда и в своей вольности". [Ригельман!]

"В своей вольности" пребывало большее население Томаторкани, оставшееся за Кубанью, Казары. Они отошли глубже в горы и совместно с Черкесскими племенами непрерывно сопротивлялись попыткам ханов подчинить их своей власти.

Черкасия или Земля Черкасов в то время была довольно устойчивым союзом вольных горских народов. Леса и горы облегчали их сопротивление, так как Татары, равнинные люди, не решались в них углубляться, чувствуя себя там, как в ловушке.

Укрывшись здесь, Казары находились в условной зависимости от местных адигейских (Зигийских) и кабардинских князей.

Жизнь в горах во время неоднократных и многолетних уходов от грозной подчас степи, близкое общение с горскими племенами, участие во всех их предприятиях, наложили глубокий отпечаток на весь строй жизни Казаров.

По внешности, ни костюмом, ни оружием они не отличались от Черкесов. В оружии для тех и других характерной была палка с открытым эфесом, а в снаряжении особый фасон седла с деревянным ленчиком.

Особенности теперешней жизни отразились и в их народе. Наличие скорпионов принуждала пользоваться на каждом шагу бараньими мехами и овечьей шерстью, так как это ядовитое насекомое уходит от запаха овцы. Отсюда и пошло употребление в жарком климате теплой меховой шапки, меховой бурки и молитвенного коврика.

Там же в горах зародилась мода на широкие шаровары: при движении по горным склонам ничто не должно стеснять свободы колена. Изобилие матерьяла, к тому же предохраняло ногу от укуса змей, довольно частых в Кавказских горах. Альпийцы и Шотландцы ходят с обнаженными коленями, но в их горах нет змей.

Обычай брить подбородки и голову, а оставлять длинные усы и чуб тоже принесен Казаками из гор.

Генуэзец Интериано, живший среди Черкесов в половине XV века, рассказывает о их внешности: "Они носят длинейшие усы". "На поясе у каждого кожанная сумочка с огнивом, сделанная и вышитая руками жены. Они носят всегда с собой бритву и оселок, чтобы ее точить. Бритвой они бреют друг другу голову, оставляя на макушке длинейший пучок волос, в виде косы. Некоторые объясняют, что он служит для того, чтобы враг, отрезывая убитому голову, держался рукою за чуб и не обезобразил благородного лица своими скровавленными и скверными руками".

Если Казаки не повсюду подражали такому обычаю, то обрезаемая волосы в кружок, по скифски, изменяли его сообразно со своими вкусами.

Там же в горах Казары приобрели себе и новое имя. Как и всех Черкесов, Русские стали их называть Черкасами и Циками [что, вероятно, однозначно с Чиками].

О том, что Казары жили в горах, сохранились свидетельства католического монаха Матвея из Мехова и его современника, германского посла в Московию, Сигизмунда Герберштейна.

Первый в 1517 году пишет в своем "Трактате о двух Сарматиях": На юге по направлению к Каспийскому морю тянутся горы Иберии или Албании, которые у Русов называются по имени народа - Черкасы Пятигорские, т.е. нечто вроде "Черкасов с пяти гор". Среди этих гор живут Казарские племена, которые по словам... моравской легенды обращены были в веру Христову святы-

ми братьями Кириллом и Мефодием".

О тех же Казарах, но уже под их новым именем, Герберштейн добавляет, что Пятигорские Черкасы или Цики, жившие за Кубанью "под защитой своих гор не оказывают послушания ни Туркам, ни Татарам. Русские утверждают, что они христиане, ни от кого не зависят, живут по своим законам, исповедывают веру греческую и богослужение выполняют на славянском языке, которым и пользуются, главным образом, в жизни. Они по большей части смелые пираты. Спускаясь в море по текущим с их гор рекам, они нападают на всех, кто им повстречается, а особенно на корабли, плывущие в Константинополь из Кафы".

Предания, записанные Ригельманом на Тереке около 1750 года, точно указывают на место поселения казачьих предков среди горцев: "В Черкасах были, по объявлению тамошних, и жительство имели двумя деревнями, а именно, одна в Большой Кабарде при устье р. Газы, впадающей в Урюф, а она втекает в Терек с левой его стороны и назывались Кажаровцы [Казаровцы? Г.Г.], другая в Малой Кабарде ж, в самом ущельи Татар - Туповом; которое урочище состоит близ реки Терка и, тоже впадающей в оный, речки Акс, с левой же ее стороны".

Другим местом их поселения "по объявлению гребенских старожил, за Тереком в самой нынешней Кабарде и в части Кумыцкого владения в Гребнях, в урочище Голого Гребня, в ущелье Павловом, и ущелье Кошлаковом, и при Пименовом Дубе".

В.Н. Татищев, один из первых русских историков, как бывший астраханский губернатор, хорошо осведомленный в делах Сев. Кавказа, называет Гребенских Казаков Пятигорцами еще в XVIII столетии: "Оттуда Киммерн вышли, где ныне Черкесы и Пятигорцы обитают, храбрые люди одного с нами языка". [История Российская].

В 1475 году на Северный Кавказ пришли новые завоеватели - Турки.

Тогда то в степях появились азовские Казаки, Казары, жившие при Татарях на островах. Теперь они вышли на материк, договорились с турецкими начальниками в Азове, приняли на себя некоторые обязательства и возобновили свой казачий промысел по Дону.

Те же Казары, что находились в горах и называли себя Пятигорцами, пытались сообща с Черкесскими племенами сопротивляться и Туркам. После неоднократной резни христиан, устроенной на их глазах сотысячными толпами фанатиков-мусульман, у них и совсем пропало желание подчиняться главе правоверных, турецкому султану.

Но силы противников были неравны.

В отличие от, боявшихся гор и вод, Татар, могущественная Турция имела в своем распоряжении военный флот, кадры строителей и специальных солдат-горцев. Вдоль Черноморских берегов были возведены укрепленные посты и крепости, не допускавшие Черкасов выплывать на море. Шаг за шагом, постоянными военными экспедициями в горы, Турки принудили всех Черкасов оставить

свои жилища и выйти в степи. Они отошли к Каспийскому морю, на Волгу под Астрахань и к Маньчу.

Отсюда горские князья стали искать покровительства христианского государя.

К половине XVI века их "главный князь" Темрюк Андорович установил тесную связь с Иваном Грозным. Тот принял на службу в Москву многих представителей черкесской аристократии, помогая Темрюку своим войском, присылая воевод и духовенство и потому широко по соседям пошла молва о том, что Черкасы приняли подданство Московского царя.

В 1561 году вдовый царь женился во второй раз, взяв в жены дочь Темрюка - Марусю.

Но родоначальники черкесских племен не все были довольны протекторатом Москвы. Начались междоусобные распри и войны.

Тогда казачья часть Пятигорских Черкасов [5] тоже вышла из подчинения Темрюку. Казаки начали искать себе постоянных юртов.

Часть их ушла на Днепр и там около 1570 г. обосновалась городками Чигирином, Чигирин-Дубровкой и др., производя их названия от одного из своих племенных имен "Чиги".

После этого в польских записях некоторое время, наравне с Казаками, появляются и Пятигорцы, а с Днепра именно тогда начинаются походы на море. [6]

Ясно, что они были связаны с появлением среди Запорожцев Пятигорских Казаков. Наивно было бы предполагать, что сухопутное или даже речное казачье население Поднепровья могло выделить из своей среды опытных навигаторов и предводителей морских походов. До прихода прирожденных мореходов Пятигорцев, Казаки и не пытались выезжать далеко в море.

Тоже самое было и на Дону.

Там дальние морские походы начались только после основания городка Черкасского не раньше 1580 года, т.е. тогда, когда появились и здесь Черкасы [7].

В то же время на Тереке, в устье р. Сунжи и в Северном Дагестане выросли городки Гребенцов [8], а на Каспийском море Казаки стали задерживать купеческие корабли.

В 1584 году около 700 человек, погромив Татар на Яике, с первым своим атаманом Гудной заложили начало славного Войска Яицкого [9].

Пятигорские Черкасы мало отличались от Касагов, Казаров и Торков-Косаков, вышедших раньше на лесостепные грани. Но на Кавказе они сохранили некоторые особенности своей речи. Их они принесли теперь на новые места: южные донцы, "Донские Казаки новые", как их называли акты того времени, сохраняют и сейчас отсутствие шипящих звуков и звька н; уральцы, наоборот, злоупотребляют звуком щ и отличаются особой манерой произношения. Уралец говорит "за щеку" и при этом, будто бы, кончиком языка постукивает в небо.

Это все остатки различий в казарских диалектах, прошедших вековое влияние черкесских наречий.

Очень много характерных черт сохранил говор некоторых станиц на Тереке. И, кажется, тому, кто, по примеру Св. Кирилла, хотел бы отыскать следы древнего наречия Споров, нужно было бы в первую очередь обратиться к языку обособленных гребенских станиц.

Еще недавно, там сохранялся говор до такой степени непохожий на иные славянские языки, что его иной раз только с трудом понимали и Русские.

Г. ГУБАРЕВ.

1. Геродот дает произношение Сака. Значит, по нашему надо читать - Саки.

2. У Рубрукига: На север от Черного моря "провинция, называемая по латини Газария; Гренами, которые там проживают на берегу моря, она называется Вассария, что значит Цезарих". Славян-Казаров не следует смешивать с тюрками - Казарами.

3. Авары в то время обитали около Дона и на западном берегу Меотического [Азовского] моря.

4. Прокопий Кессарийский [Война с Готами кн. VI] пишет: "Некогда даже имя у Славян и Антов было одно и то же. В древности оба эти племени назывались Спорами ["рассеянными"], думаю потому, что они жили, занимая страну "Спораден" - "рассеянно".

Надо полагать, что Казары и Венеды родственные по языку со Славянами, тоже выделились из одного с ними массива Споров.

5. Казачье имя нерушими сохранялось и в горах.

6. Первый морской поход Запорожцев записан в Киевском "Летописце" под 1576 г. "Тогда же Казаки, напавши на Азию, на сто миль повоевали: Трапезон взяли и высекли, Синоп до фундаменту разорили и под Цареградом користиц побрали множе".

7. Около 1750 года на Дону Казаки говорили Ригельману, что они "от неких вольных людей, а более от Черкес и горских народов взялися".

8. В 1592 г. жалуется Синап-паша, что Казаки "на Маногы, да под посадом под Бузуном, да на Суньше реке остроги поделали, да близко Дербени на Кунзумском море города поделали". Английский купец Джофрей Деккет описал нападение Казаков на свой корабль под Астраханью в 1584 г.

9. "Князь нагайский Урус, жалуюсь в князю на обиды причиненные Яицкими Казаками писал в 1584 г.: "на Яик пришли Казаки числом от шести до семи сот человек, построили город большой и с того города нам много лиха починили". На это царь ответил: "Казаки - воры так чинят без нашего ведома, как ваших громят, так и наших судовых людей бьют и до смерти убивают". [Сухоруков, Историческое описание Земли Войска Донского].

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА.

Некоторые думают, что принятие Казаками празднования Покрова Пресв. Богородицы имеет своим корнем Азовское Сидение.

Это добровольно принятое всеми решение [умереть до послед-

него защитника, в Азове | перед иконою Покрова Пресвятыя Богородицы запечатлелось христианским обрядом всеобщего омовления и сменой рубах, как знаки смертельного предстательства перед Господом Богом". | "Род. Край", № 2 с. 2 |.

Такое мнение надо считать ошибочным.

Празднование Покрова первоначально было установлено Греками "в память события, бывшего в Константинополе в половине X века. Империя вела в это время войну с Сарацинами, и городу угрожала опасность. В указанный день св. Андрей юродивый и его ученик Епифаний, находясь во Влахернском храме во время всеобщего бдения, увидели на воздухе Божию Матерь, с сонмом святых, молящуюся о мире и распростершую свой покров | омофор | над христианами. Греки ободрились, и Сарацины были отражены | Энци. Брокгауза |.

Празднование Казаками Покрова имеет своим корнем какой-то иной источник, а не Азовское Сиденье, и с какого времени и по какому поводу стал он Войсковым праздником ныне точно еще не установлено.

Одни думают, что этим источником было взятие гор. Казани, совпавшее с 1-м октября, за что будто-бы Иван 4-й пожаловал Казаков рекою Доном.

Иван 4-й Казаков жаловать этою рекою не мог уже по одному тому, что она ему не принадлежала, о чем он и сам свидетельствует: "Казаки Донские не по нашему велению на Дону живут, бегая из нашего государства заворовав, а не по нашему наказу"; а во вторых, рекою Доном казаки владели уже до взятия гор. Казани, ибо под Казань они выходили и "з Дону, и з Волги, и с Яика, и с Терека" | отписка от 26.5.1632 |.

Другие утверждают, что основанием к празднованию Казаками Покрова послужил факт, что Казаки в Азове, решив или прорваться сквозь осаду или всем помереть, вышли из Азова 1-го октября и увидели Турок, отступившими от крепости.

Это тоже ошибка. Казаки выступили из осажденного Азова не 1-го октября, а 26 сентября | Дон. Дела, II. 260 |, так что считать этот факт, выход из Азова, основанием для празднования Покрова не приходится.

При Азовском Сидении покровителями Казаков были Иоанн Предтеча | Казаки тогда говорили и писали не "Предтеча, а Предотеча" | и Никола Угодник, что ясно можно видеть из "Сказания об Азовском Сидении", а также из расспроса атамана Бедея Лукьянова, который показал: "и они-де | Казаки в Азове |, надеясь на Бога и на Предотечу Ивана, в том от них | Турок | не опасаются". | Дон. Д. II, 219 |. Эта же мысль о помощи Ивана Предотечи проводится и в грамоте Войска к Верховным: "Ведаете вы и сами, как вы приходили изо всех рек казачьева присуду Азова достигать, и милостью Божию и великого во пророцех Ивана Предотеча |...! Азов-город вам, атаманам и молотцам, всему великому Войску Донскому,

Бог поручил". [Д.Д.І, 810].

Приведем ту часть Сказания, часть наиболее патетическую, из которой непосредственно видно будет, что Казаки всю свою надежду и опору возлагали именно на Иоанна Предотечу и на Никола Угодника. К тому же широкой казачьей общественности Сказание это мало известно.

"Прибежим, бедные, к своему помощнику Предотечеву образу, пред ним-светом расплачемся слезами своими горькими: "Государь-свет, помощник наш, Предотеца Христов, Иоанн! По твоему, светову, и зволению разорили мы гнездо змиево, взяли Азов-град, побили мы в нем всех христианских мучителей и идолослужителей. И твой, светов, дом, Никола Чудотворец, очистили и украсили ваши чудотворные образы от своих грешных, недостойных рук. Без пеня у нас по се поры перед вашими образы не бывало. Али мы вас, светы, чем прогневали, что опять хотите итти в руки бусурманские?"

На вас мы, светов, надеялись, в осаде сидели, оставя всех своих товарищев. А теперво от Турок видим впрямь смерть свою: поморили нас бессонием; 14 дней и 14 ночей с ними без преста-ни мучимся. Уже наши ноги под нами подогнулись, и руки наши оборонные уже не служат нам, и от истомы уста наши замертвели и глаза у нас порохом выжгло от беспрестанной стрельбы; язык уже наш во устах наших на бусурман закричать не воротится. Такое наше бессилие: не можем в руках своих никакого оружия держать - почитаем себя уже за мертвый труп. Часа уже с два не будет в осаде сиденья нашего. Теперво мы, бедные, разстоваемся с вашими чудотворными иконами и со всеми христианы православными.

Почали уже мы, атаманы и казаки, и удалые молодцы, и все великое Донское и Запорожское свирепое войско прощатися".

Дальше следует прощание и заканчивается оно бесконечно трогательно:

"Простите нас, поля чистые и тихия заводи! Простите нас море синее и реки быстрые! Прости нас, государь наш, тихий Дон Иванович! Уж нам по тебе и атаману нашему с грозным войском не ездить, дикого зверя в чистом поле не стреливать, в тихом Дону Ивановичу рыбы не лавливать".

А после своего прощания взяли мы иконы чудотворные, Предотечину да Николину, да пошли с ними противу бусурманов на вылазку; и милостию Божією и молитвою Пречистия Богородицы, и заступлением небесных сил и помощью их угодников Предотечи Иоанна и Никола Чудотворца на вылазке явно бусурманов побили".

В краткой редакции Сказания говорится о двух "юношах", которые гнали Турецкие войска; про одного говорится, что "власы у него долги, а другой сед"; ясно, что юноши эти были Предо-

І| В одном списке значится еще - "и дубравы зеленые".

теча и Никола.

И только в древнейшей редакции Сказания говорится, что видели Предотечу и Богородицу, "лену прекрасну в багряной ризе [одежде], но не с покровом [омофором]".

Таким образом из "Сказания" и других источников трудно заключить, чтобы празднование Казаками Покрова было связано с Азовским Сидением.

В интересах всестороннего освещения и установления подлинной причины и начала празднования Казаками Покрова было бы весьма желательным, чтобы составитель поздравления, или кто-либо другой, располагающий сведениями по этому вопросу, поделился бы с читателями об источниках откуда он почерпнул сведения о всеобщем омовении и о смене рубах, и тем помог бы прояснить подлинный источник происхождения празднования Казаками дня Покрова Пресв. Богородицы.

Ив. Б.

ИЗ КАЗАЧЬЕГО БЫТА.

Отдел этот будет посвящен изучению казачьего быта, разумея под ним не одну только материальную сторону жизни, но главным образом сторону духовную, как она проявляется во вне, в обиходе, по возможности стараясь отыскать те причины, которые вызвали проявление этой духовной казачьей жизни.

Часто в пословице, в поговорке, в детской брани, в детской игре скрываются переживания народа в большей части тяжелые: в СССР существовала, например, детская игра - "ставить к стенке".

Настоящие юткие переживания несомненно создали в казачьей среде ряд острых слов, едких замечаний, может быть даже и мрачных анекдотов.

Лица, занимающиеся историей, хорошо это понимают.

Какие письменные следы прежней бытовой казачьей жизни мы имеем? Их очень мало - Сухоруков, Котельников, Ригельман.

Казачья интеллигенция [под "интеллигенция" мы разумеем культурной слой, независимо от того, будет-ли этот слой гражданский, духовный или военный], казачья интеллигенция, если она стоит на высоте, должна бы все это записать, не считаясь ни с партийностью, ни с принадлежностью к тому или другому войску.

Один видный английский психолог сказал: "Мы скользим по поверхности нашего бытия," т.е. мало вникаем в сущность того, что происходит вокруг нас. А.С. Пушкин выразил это проще: "мы не любопытны и ленивы".

Не пора-ли и нам, Казакам, особенно казачьей интеллигенции, сбросить свою лень и быть полюбозпытнее к своему прошлому, к своей истории и не забывать письменно запечатлевать и настоящее, чтобы оно безнадежно не кануло в вечность.

Одна Казачка, вдова, осуждавшая свою сестру, то-же вдова, что та "удовства свою не сублюла", обратилась к хуторскому сбору с какой просьбой; ей в том отказали, по ее мнению, несправедливо.

"Х-а, обчество |ударение на "во" |негодовала Казачка. "ана сильна как вода, а глупа - как овца".

Замечание не лишено ни остроумия, ни некоторого и философского смысла.

Во французской армии часовой ночью спрашивает приближающегося человека словами "Qui vive?" т.е. "кто живет" вместо "Кто идет?"

Такой, на наш взгляд, несуразный вопрос, для французской армии имеет свое историческое обоснование.

Идущий Казак не любит, когда его спрашивают "Куда идешь?" При таком вопросе по лицу его скользнет тень какого-то недовольствия, и если Казак пожилой, а спрашивающий молодой, то он его и обломит: "Чево ты кудакаешь!" |Идущий испытал это на себе!

Оказывается, идущего Казака, чтобы не причинить ему недовольствия, обязательно надо спрашивать: "Где идешь?" а не "куда".

Это есть то-же несуразность вопроса и она, думается, тоже имеет свое историческое обоснование. Но какое?

Подражать взрослым - это природа детей. В их играх часто отражается и то, что переживал весь народ, и эти народные переживания находят отражения и в детской душе, иногда своеобразно - в играх, и даже в детской брани.

В СССР была, как сказано, детская игра - "ставить к стенке".

Мы все хорошо знаем этот способ расправы, процветавший в СССР, и он отразился в детской душе.

У казачьих детей тоже существовала игра, вернее-бы сказать "шутка" - "показать Москву". "Шутка" эта состояла в том, что желающий "видеть" Москву, становился к показывающему спиной; тот, плотно прижав руки к его голове, приподнимал его; раздавался крик от ужасной боли.

По аналогии с "шуткой" была и детская брань, на этот раз имеющая уже несомненно историческое основание. Когда казачата поссорятся, то обиженный кричит обидчику: "У, ты, мазепа!" - "Ты сам мазепа". |Очевидно оставшийся горький след от действий гет: Мазепы; мы говорим о детях Казаков Верховных, так как от Московской акции пострадали одни Верховные, а Низовые оказались нетронутыми!

Когда пожилого человека постигал "удар" |кровоизлияние в мозг|, то иногда говорим: "Его кондрашка хватил".

Все это и "показать Москву", и "мазепа", и "кондрашка"

носят явный отпечаток переживаний Булавинской эпопеи.

Не связывается ли и "кудыканье" с этой же эпохой?

Солдаты, приведя к начальству пойманного Казака, вероятно, спрашивали - "Куды сго?" т.е. на плот или на месте.

М.А.Горчуков рассказывал как группа Казаков - преподавателей Новочеркасских средних учебных заведений решила ходатайствовать об образовании Донского Учебного Округа, так как о Донском Университете в те времена и мечтать нельзя было, ибо в Правительственных сферах господствовало убеждение, что Казакам нужен манек, а не университет.

В один из приездов в Новочеркасск попечителя Харьковского учебного округа Арбскова к нему явилась делегация преподавателей и доложила ему о своих мечтаниях.

Попечитель выслушал их и обрезал:

"Ну, куды-там, раскудахтались".

КАЗАЧЬЯ ПЕЧАТЬ.

Вышел "Казачий Исторический Календарь", издаваемый в САСШ С.В.БОЛДЫРЕВЫМ за 1955.

Календарь издан уже типографским способом, что придает ему более солидный внешний вид.

В этом факте, типографском издании, можно видеть и то отрадное явление, что единоличные усилия С.В.Болдырева, связанные притом и с его материальной жертвенностью, не прошли бесследно: казачья общественность, видимо, оценила эти усилия и поддерживает его покупкой календаря, а эта покупка в свою очередь свидетельствует о внедрении в сознание Казаков необходимости поддерживать свою казачью прессу. Факт отрадный.

"КАЗАК" [№ 23, Париж]. Эта газета-журнал вышла в увеличенном виде, что также доказывает, что Казаки поняли необходимость своей казачьей прессы и от своих трудов уделяют свои лепты [что видно из публикуемых финансовых отчетов] не только на его поддержание, но и на его расширение.

В том номере, не касаясь политики, помещена историческая статья Г.В.ГУБАРЕВА о "Запорожцах", дающая новые и очень интересные данные по вопросу о происхождении Запорожских Казаков.

В статье А.РЕВВА "Почему я покинул родину" спокойно описывается жизнь Казаков под властью коммунистов, и это "спокойствие" особенно подчеркивает всю ужасающую жуть беспросветной жизни, подневольных Казаков на советских "плантациях".

"РОДИМЫЙ КРАЙ" разослал свой 2-й номер. [Мы не говорим о № 3, экстренном выпуске, наполненном исключительно пропагандой в пользу кандидатуры в Донские Атаманы ген. П.Х.Попова].

Отметим в этом журнале статью С.В.Болдырева о "Донском Курене" в С.Петербурге, о котором широкой казачьей общественности мало что известно.

Этот курень своего рода "Донская колония" на берегах Невы, состоявшая из людей науки, литературы, искусства, надолго была оторвана от Дона в чуждую им по духу среду, и, несмотря на это, не потерявшая своей казачьей души, не ассимилировалась с местным населением.

Помещены в журнале и стихи подлинно талантливой казачьей писательницы П.А. СОКОЛОВОЙ.

Особенность ее произведений, помимо их талантливости, заключается еще и в том, что она в свои произведения вносит слова казачьего разговорного языка, что придает ее произведениям живость казачьего колорита, причем слова вводятся ею с большим чутьем, вкусом и тактом, что несомненно подтверждает как художественность ее натуры, так и ее наблюдательность и любовь к своему казачьему.

"КАЗАЧЬЕ ЕДИНСТВО" № 26. [Париж]. В этом номере обращает на себя внимание критическая статья М. ИЛЬИНА - "К вопросу о происхождении Казаков".

Критика есть вещь необходимая и чрезвычайно ценная: своими указаниями на недочеты в произведениях каких-бы то ни было - литературных, научных, музыкальных - она помогает автору обратить внимание на недостатки и их исправить.

Часто случается, что авторы перед опубликованием своих произведений дают их для прочтения своим искренним друзьям и во время исправить; указанием же достоинств произведений критика укрепляет автора, поддерживает его дух и тем способствует дальнейшим его работам, часто происходящим в очень тяжелых условиях.

В своей статье М.Д. Ильин сделал ряд недопустимых для критика ошибок: по одной - двум статьям он судит о всей работе Г.В. Губарева; в них он нашел некоторые неясности и рекомендует автору "обосновать ответы" [II], которые ставит ему критик; но ведь эти ответы могут быть в той части книги, которая М.Д. Ильину еще неизвестна. Такая критика очень рискована и преждевременно предубеждает читателя против автора. Кроме того, основываясь на двух статьях М. Ильин лишен возможности говорить о положительной стороне всей работы Г.В. Губарева и критика, таким образом, является однобокой и преждевременной.

Некоторые из II вопросов быть может и будут полезны автору, но их надо было-бы сделать в более деликатной форме - сообщить о своих сомнениях сначала самому автору (книга-то только готовится к печати), и когда он не принял-бы их во внимание, то только по выходе книги в свет и можно критиковать в прессе.

Упрек Г.В. Губареву, что он "едва-ли может в своих познаниях по истории конкурировать с людьми, которые обладают в своей профессии мировой известностью", неоснователен; во I-х неуместно выражение "конкурировать"; изучение истории не есть торговля или выставка, где действ. гельно конку-

рируют; каждый историк в меру своих сил и возможностей стремится найти историческую истину, и только. Во 2-х, если базироваться на Карамзине и Сеньбосе, то с историей надо покончить - все уже сказано.

Что-же касается опасений критика за судьбу книги Г.В.Губарева, то он может быть спокоен - она найдет свое место на книжной полке каждого Казака, любящего историю своего народа.

-----oOo-----

К.И.С. не имеет в своем распоряжении никакого внешнего финансового источника, поэтому Сборник бесплатно не рассылается. Напечатан он в ограниченном количестве - 100 пронумерованных экземпляров.

Пожертвования на издание Сборника принимаются с благодарностью.

Гаврил Иванович ФЕТИСОВ, Казак Усть-Белокалитвенской станции, узнав о затруднительном материальном положении, связанном с выходом К.И.С., по своей инициативе внес свою щедрую лепту - 5.000 франков - и тем облегчил выход номера.

Казачье спасибо вам, дорогой Гаврил Иванович.

За статьи, помещенные в Сборнике за подписью автора, Редакция не отвечает.

При запросах прилагать марку или международный купон, без этого ответа не последует.

Всю корреспонденцию, статьи и деньги адресовать:

М-г BOUDANOFF, 288, rue de Vaugirard, Paris 15-e
France

Цена Сборника: для Франции - 250 фр., Англии - 4 шилл., Германии - 3 мар.50 пф., Америки и других стран - 1 долл.

Технический редактор
и издатель И. БУДАНСЗ.

Готовится к печати № 2 "К.И.С."

Предполагаемые статьи: а) "Атаманы" |к вопросу об изучении истории Казачьих Войск|; б) "Казачи в Москвитинскую слугу"; в) "Сарынь, на кичку" |исследование|.

СОДЕРЖАНИЕ.

Донская земля.....	стр. 1
Касаки, Казары, Пятигорцы.....	22
Историческая справка.....	28
Из казачьего быта.....	31
Казачья печать.....	33

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Напечатано:	Следует:
1	после слова "именно"	добавить " за изучение"
2	В Киевском Синтаксисе Танаин	В Синописе выбросить
3	за представление	на представления
4	Салаваока	Салаваска
5	конечно	конечное
7	называли листах	называем речах
10	Эксоролис	Эксополис
12	что	чтоб